ГИБКОСТЬ ВНУТРЕННЕГО СУВЕРЕНИТЕТА КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Бочаров А. В.

аспирант Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, alexboc@bk.ru

УДК 321.011
ББК 66.03

Цель. Статья нацелена на исследование различных аспектов взаимодействия феноменов государственного суверенитета и цветных революций.

Методология и методы. В ходе исследования применены аналитико-критические обобщения, возникающие вокруг понятий «государственный суверенитет» и «цветная революция», использован теоретический анализ эмпирической информации. Исходным эмпирическим материалом послужили два выступления Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева: 1) о реагировании на террористические события в Актобе в июне 2016 года; 2) о переходе к модернизации конституционного строя в январе 2017 года. Сопоставляя данные события с научными подходами к «цветным революциям» и феномену гибкого суверенитета, автор демонстрирует теоретически – и практически-значимую взаимосвязь исследуемых явлений.

Научная новизна. Выдвинута и подвергнута предварительной оценке авторская гипотеза, в соответствии с которой «цветные революции», широко известные по событиям «арабской весны» и в странах постсоветского пространства, могут быть предотвращены благодаря развитости внутреннего государственного суверенитета.

Выводы и область применения. Исходные положения и результаты исследования могут быть использованы для дальнейших теоретических изысканий, а также при разработке концепций органов власти в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: цветные революции, государственный переворот, гибкий суверенитет, конституционная реформа, парламентаризм, демократизация.

FLEXIBILITY OF INTERNAL SOVEREIGNTY AS MANAGERIAL FACTOR OF WARNING OF «COLOR REVOLUTION»

Bocharov A. V.

post-graduate student of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 March str., Ekaterinburg, Russia, 620990, alexboc@bk.ru

Purpose. The article is aimed at researching various aspects of interaction between the phenomena of state sovereignty and color revolutions.

Methodology and methods. In the course of the research, analytic-critical generalizations that arise around the concepts of "state sovereignty" and "color revolution" are used, a theoretical analysis of empirical information is used. The initial empirical material was provided by two speeches by the President of the Republic of Kazakhstan, N.A. Nazarbayev: 1) on the response to terrorist events in Aktobe in June 2016; 2) on the transition to the modernization of the constitutional system in January 2017. Comparing these events with scientific approaches to "color revolutions" and the phenomenon of flexible sovereignty, the author demonstrates the theoretically and practically significant relationship of the phenomena under study.

Scientific novelty. The author's hypothesis was advanced and subjected to preliminary assessment, according to which "color revolutions", widely known for the events of the "Arab Spring" and in the countries of the post-Soviet space, can be prevented due to the development of internal state sovereignty.

Conclusions and scope. The initial provisions and results of the study can be used for further theoretical research, as well as for the development of the concepts of authorities in the field under consideration.

Key words: color revolutions, coup d'état, flexible sovereignty, constitutional reform, parliamentarism, democratization.

© Бочаров А. В., 2017

Актуальным поводом для подготовки статьи послужило обращение Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева 25 января 2017 года «по вопросам перераспределения полномочий между ветвями власти». Данный акт анонсировал начало принципиальной конституционной реформы в стране с целью «повышения эффективности системы управления». Триггером президентских инициатив объявлено то, что «мир сегодня меняется на глазах. Скорость и сложность общественных процессов нарастает… сегодня мы должны думать о том, как реагировать на глобальные и региональные вызовы, которые неизбежно поставит грядущая история перед нами». Заявлен курс на усиление роли парламента и правительства и на трансфер президентских компетенций в пользу этих институтов, «суть предлагаемой реформы состоит в серьезном перераспределении властных полномочий, демократизации политической системы в целом». Порядка 40 полномочий планируется делегировать законодательному органу (Мажилису) и кабинету министров, а партии, победившей на выборах, предоставить решающее влияние на формирование правительства. Более того, сам президент готов отказаться от привилегий «отменять либо приостанавливать действие актов Правительства и Премьер-Министра», принимать отставку правительства, от «возможности принятия президентских указов, имеющих силу закона» [1].

Для темы настоящей статьи целесообразно провести параллельную траекторию к политически-знаковым событиям июня 2016 года, когда глава казахстанского государства в обращении к нации подвел итоги нейтрализации «террористической атаки» в Актобе («террористический акт организован приверженцами радикальных псевдорелигиозных течений, инструкции они получили из-за рубежа»). В указанном публичном документе президент, обещая жесткую реакцию на проявления терроризма и экстремизма, сделал характерную ссылку на зарубежное вмешательство: «Мы все знаем, что так называемые «цветные революции» имеют различные методы и начинаются с надуманных митингов, убийств, стремления захватить власть. Эти признаки проявились и у нас» [2]. Заявление растиражировано в СМИ в контексте того, что верховная власть официально констатировала признаки цветной революции в Казахстане. А тот факт, что подавляющее большинство граждан страны исповедуют мусульманство, наделяло несостоявшийся революционный кризис «исламским компонентом» и связанными с ним дополнительными рисками эскалации агрессии [3].

Вышеназванные общенациональные акты Н. А. Назарбаева разделяют несколько месяцев – срок, в течение которого модифицирована реакция на внешние вызовы, адресованные суверенному Казахстану, теперь она подразумевает не только силовой (правоохранительный/военный) инструментарий. Эти эмпирические данные послужили отправной точкой для осторожного выдвижения гипотезы, согласно которой управленческие интенции по конституционному обновлению и плавному «дистрибутированию» компетенций между разными властными институтами, выражаемые в феномене повышения гибкости внутреннего государственного суверенитета, в конечном итоге способствуют росту адаптивной устойчивости политического режима к рискам цветных революций.

Изменчивая сущность понятий

В этой связи проблематика реагирования государства на реальные и потенциальные угрозы цветных революций нуждается в корректном переосмыслении теоретико-прикладного восприятия, с преодолением тенденциозности и узости «охранительного» («оградительного») подхода. Необходимое осознание многогранности современных форматов государственного суверенитета невозможно без раскрытия и ревизии базовых понятий рассматриваемой тематики. Исходное из них – дефиниция «цветная революция», вошедшая в устоявшийся лексикон современной политической науки и практики (автор настоящей работы, наряду со многими другими исследователями, далее использует данное словосочетание без кавычек в силу его общеупотребительной нарицательности, за исключением заголовка и фрагментов цитирования).

Color revolution – это и политтехнологическая концепция, и политико-дискурсивная стратегия, и широко употребляемый интернет-мем. Употребление понятия цветных революций сопряжено с явными оценочными коннотациями, что приводит к значительной содержательной неопределенности, когда единственным признаком «цветности» революции (государственного переворота) является умозрительное внешнее управление революционными событиями. Примитивно-политизированное толкование выглядит неуместным с позиций научного анализа, нарушает тематическую, предметную ограниченность как один из главных критериев исследования. Примером проявления указанного дисбаланса может служить, например, включение событий Февральской революции и (или) Октябрьской революции 1917 года в России в категорию цветных революций. Подобные отождествления если и допустимы, то, скорее, для художественного и публицистического оборота, нежели для научного дискурса.

Гомогенность российской политической системы обязывает учитывать идеологические установки властей, которые, в свою очередь, вносят первостепенный вклад в формирование «мировоззренческого

ядра» в соответствующих положениях, артикулируемых научным сообществом как не нуждающиеся в доказательности. В официальной плоскости «инспирирование “цветных революций”» инкорпорировано в «деятельность…иностранных и международных неправительственных организаций… направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации» и включено в перечень «основных угроз государственной и общественной безопасности» в соответствии с действующей редакцией Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4, ст. 43].

Что касается академических подходов, то относительно емкая и релевантная по критериям классификация отношений российских элит к цветным революциям ранее предложена экспертом МГИМО А. А. Токаревым [5]. Он подразделяет два подхода к исследуемому феномену: охранительно-консервативный (цветные революции – коварное злодеяние Запада) и либеральный (они есть результат эндогенной демократизации). Охранительно-консервативное отношение свойственно российским правящим кругам и характеризуется существенными искажениями-упущениями. Среди них: непонимание различий между ненасильственными (которыми являются цветные революции) и трагическими кровавыми переворотами; преувеличение влияния Запада на внутриполитические процессы таких государств, как Грузия и Украина; игнорирование масштабных культурных, исторических и экономических конфликтов в странах, охваченных революционным протестом [6].

Стоит также отметить реалистичную позицию, которой придерживается доцент РАНХиГС Е. М. Шульман, взвешенно раскрывающая значение медиатизированной пропаганды в предупреждении общественного протеста как предполагаемого источника цветной революции в Российской Федерации: «Эта проблема для власти стоит на последнем месте, поскольку, несмотря на разговоры об оранжевых революциях и необходимости предотвращения их за бюджетный счет, массовых волнений она не очень боится, реалистично оценивая пассивность «телевизионного большинства» [7]. Свою позицию указанный исследователь развивает в доводах, согласно которым российский политический класс и бюрократия эксплуатируют миф о готовящихся посягательствах на разрушительные цветные революции в России и странах СНГ как антиамериканскую (в широком смысле – антизападную) идеологему, способствующую мобилизации населения против образа внешнего врага и оправдывающую репрессивный уклон законодательства (как инструментарий подавления любой альтернативной политической активности).

Цветные революции в научном дискурсе: оценочный дисбаланс

Исходя из обозначенных трендов, российские источники о цветных революциях, большей частью позиционирующиеся как научные, но на поверку «дрейфующие» в сторону публицистических и даже откровенно пропагандистских текстов, имеют ряд особенностей. Во-первых, им присуща высокая доля оценочных, эмоционально окрашенных суждений. Так, уже на уровне заголовков наблюдается повышенная частность упоминаний понятий «угроза», «противодействие», «борьба», «подрыв» и т.п. Во-вторых, характерен преобладающий тематический тренд на непременное «разоблачение» западных версий-теорий заговора и препарирование конспирологических конструкций. В-третьих, явление цветных революций, в основном, рассматривается статично, «близоруко», в дуальной картине мира «свои – чужие», без учета разнообразной и быстро меняющейся социокультурной и социально-экономической среды. Доминирует описательный нарратив, с изложением хронологии событий, действий и мнений их участников, нередко произвольно подбираемых под заранее заданную идеологию авторского изложения. В-четвертых, как результат, – воспроизводятся однообразные умозаключения на базе принимаемых на веру исходных положений и чрезвычайно широкого эмпирического материала, в котором к категории цветных революций оказываются отнесенными любые неординарные политические события, связанные не только с неожиданной сменой власти в той или иной стране, но и вообще со всякой заметной протестной активностью против правящих режимов.

Таким образом, игнорируется фундаментальный принцип научной этики – принцип организованного скептицизма в части критичности и самокритичности мышления. На исследовательском и прикладном политическом уровне изложенные тенденции могут иметь пагубные последствия в виде принятия безапелляционных решений об исключении «неудобных» фактов из сферы изучения и включении изоляционистских и репрессивных практик в элементы политической системы общества.

Цветные революции в теоретическом ракурсе противоречивы тем, что для одних исследователей они представляются следствием сугубо манипулятивных технологий, реализуемых акторами внешнего вмешательства в дела независимых государств; для других – источником прогресса неразвитых политических систем и находящихся под их управлением обществ и национальных экономик. Последние (во всяком случае, на постсоветском пространстве) заведомо находятся в меньшинстве, что предопределено давлением преобладающих идеологем и общей утратой доверия

в линейное развитие социального миропорядка. Ценности гражданской самоорганизации и свободной идентификации гражданина с государством подменяются искусственным делением на «своих» и «чужих», «идеей исключительности собственного государства (нации, народа, религии, истории и т.д.)», «культивированием совершенства и безупречности», «убеждением в деградации творческих сил нации (государства, цивилизации) соперника» [8, с. 52].

Вместе с тем, при всем стремлении к строгой теоретизации рассматриваемого феномена практически невозможно обойти в исследовательском процессе оценочные суждения, в том числе крайне экспрессивные точки зрения, связанные с характеристикой цветных революций, что обусловлено спецификой зарождения и генезиса рассматриваемого феномена. Само понятие «цветная революция» происходит не из научных источников: «изначально это журналистское общее название для нескольких близких по времени народных протестов начала/середины 2000-х годов, получивших, по разным причинам, образные имена, связанные с цветом или цветком» [9].

Вместе с тем, для фундаментального осмысления рассматриваемого феномена целесообразно учитывать более широкий научный контекст постмодерна, поскольку возникновение явления цветных революций хронологически характерно именно для данной эпохи.

Наименьшая часть российских исследователей разделяет воззрения, согласно которым цветные революции есть, главным образом, эндогенное явление, порожденное отсталостью институциональной организации государства, общей неразвитостью политической системы общества, неадекватностью либо отсутствием каналов обратной связи, декоративностью демократических элементов и другими аналогичными факторами. Их антиподом является понятие «гибкий суверенитет», во взаимодействии с феноменом цветных революций рассматриваемое далее.

Прагматичная трактовка суверенитета

Автор статьи исходит из того, что преодоление уязвимостей, детерминированных односторонним и предвзятым подходом к изучению и оценке цветных революций, может быть достигнуто благодаря прагматизации исследовательского процесса и избавлению от упрощенческой дихотомии, провоцирующей ангажированность при отборе фактов и формулировании заключений. С этой целью предлагается рассматривать явления цветных революций не сами по себе, с привычным постулированием их «вредительской» или, более редким, – «прогрессистской» функции, но во взаимодействующей корреляции с феноменами государственного суверенитета и рисков десуверенизации.

На современном этапе развития политической мысли в целом достигнута конвенциональность по вопросу того, что государственный суверенитет является усложняющимся и поэтому крайне перспективным объектом междисциплинарных исследований, «само явление обогащается смыслами быстрее, чем развивается терминологический аппарат» [10, с. 56]. Преодолеваются рамки статичности, априорной незыблемости, в политической науке признается содержательная динамичность, правоприменительная подвижность государственного суверенитета; разумно минимизированы попытки прийти к его единому синтетическому пониманию.

Эрозия вестфальской концепции суверенитета стала отчетливо проявляться с последней четверти прошлого столетия и нашла отражение в междисциплинарных работах на стыке политической и экономической наук: «политэкономы все большее внимание стали уделять возраставшей роли рынков и негосударственных акторов, которые часто были в состоянии бросить прямой вызов авторитету и ресурсам государственных институтов» [11, с. 108]. В академический оборот вошел труднопереводимый термин Westfailure британского исследователя С. Стрендж, продемонстрировавшей перерождение государственного суверенитета, основанное на утрате его прежнего внутреннего постоянства и предопределившее необходимость его сущностного переосмысления.

Представляет интерес классификация теорий суверенитета, предложенная российским ученым Г. И. Мусихиным. Признавая неизбежность «эпистемологического релятивизма» эпохи постмодернизма и постструктурализма, опираясь на широкую источниковедческую базу зарубежной политологии, он условно разделил теории суверенитета на эмпирические и нормативные, дополнительно очертив для каждого вида *внутригосударственный*, государственный и межгосударственный уровни функционирования. Для объективности отметим, что сам автор назвал приведенную классификацию «во многом – «насильственной» аналитической манипуляцией, так как в действительности невозможно провести четкие границы между различными теориями суверенитета» [12, с. 76].

Анализ явления цветных революций в совокупности с указанными феноменами-оттенками суверенитета погружает исследователя в многократно более сложную среду, с нарастающим количеством переменных факторов, но одновременно и с превосходящим эвристическим потенциалом. Используя, в том числе, вышеназванную типологию Г. И. Мусихина, автор настоящей работы предлагает исходить из положения, согласно которому субъектность и идентичность

современного государства на международной арене, его устойчивость перед угрозами цветных революций во многом предопределяется адекватным состоянием, развитостью механизмов обеспечения внутригосударственного суверенитета, которые во взаимосвязи формируют его гибкость и адаптивность к переменам.

В современной западной политологии понятие «гибкий суверенитет» («flexible sovereignty») периодически используется, в частности, в изучении управленческих процессов, выстраиваемых в отдельных автономизированных регионах-субъектах федеративных государств. Применимо к общегосударственной политике интересную трактовку дефиниции «flexible sovereignty» предложил, например, Ч. Салониус-Пастернак, старший исследователь из Института международных отношений Финляндии. По его мнению, компромиссная концепция гибкого суверенитета реализуется Украиной в отношениях с Российской Федерацией после 2014 года. Украинские власти сознательно жертвуют внешней атрибутикой суверенности, чтобы воссоздать жизненно необходимый внутренний суверенитет и «избежать обширной войны с Россией» [13].

В качестве концептуально-резюмирующей также приведем подходящую для политологии позицию известного представителя российской правовой школы – Ю. А. Тихомирова, называющего «гибкость государственно-правовых форм выражения суверенитета» индикатором «динамики общественного развития» [14, с. 8]. В другом выступлении он продолжал, что «”цветную революцию” нельзя себе представить в тех странах, где работают демократические институты, которые отличают открытость, гласность, низкий уровень коррупции…» [15, с. 118].

«Мягкая превенция» государственных переворотов

Цветные революции действительно угрожают суверенитету государства, но не суверенитету вообще, а такому, который уклоняется от самодемократизации, базируется на архаичном либо преимущественно-имитационном институциональном наполнении и замкнутой (закрытой) политической системе. То есть негибкому суверенитету. Практически во всех состоявшихся цветных революциях их вдохновители, организаторы и исполнители эксплуатировали в своих акциях ожесточенную критику действующего «авторитарного» и(или) косного политического режима, требуя установления, например, эффективного парламентаризма [16, с. 238, 239]. Так, среди причин-катализаторов «арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2010–2011 годах эксперты отмечают «отсутствие / слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов)», а также «усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации» [17, с. 160, 161]. В различной степени перечисленные особенности проявлялись и в странах постсоветского пространства (Украины, Грузии, Киргизии), в которых состоялись цветные перевороты. Напротив, развитость институтов, в том числе, реального парламентского контроля, дисперсия суверенитета внутри государства сужают социальную базу революционного протеста.

Государство более устойчиво к незаконным внешним и внутренним воздействиям, к попыткам переворотов, к захватам власти, к любым политическим провокациям, когда власть имеет распределенный характер между различными центрами и акторами, «акционерами политической системы». Критически важными параметрами гибкости внутригосударственного суверенитета являются: функционирующие механизмы сбалансированного делегирования полномочий; правоприменительные условия для вовлеченности, широкой гражданской инклюзии и кооптации в легальный политический процесс. Перечисленные обстоятельства способствуют комплексной дерадикализации, устраняя, к примеру, такие провокативные факторы-проводники цветных революций, как экстремизм и сепаратизм. Предупреждению последнего, кроме того, служат многоступенчатая реализация «парциального суверенитета»: сочетание различных моделей суверенитета (ограниченный, дуальный, функциональный и т.п.) в рамках новой гибкой модели взаимодействия между властными «этажами» государства, каждый из которых в этой конструкции может быть наделен определенной долей суверенитета [18].

Гибкая форма государственного устройства, основанная на постоянном диалоге различных политических акторов, максимально вовлеченных в легальное взаимодействие, в большей степени соответствует эпохе постмодернизма, которой свойственно необратимое возрастание скорости и расширение потока социальных изменений: «мир изменился, люди перестали справляться с потоком информации и в результате сложившиеся политические институты перестали выполнять свои функции. Их надо перенастраивать» [19]. Между тем, внутренне сбалансированный суверенитет, разнообразие институциональных каналов связи и центров принятия решений, их гармонично распределенные компетенции и здоровая политическая конкуренция – это факторы, служащие «подушкой безопасности» от угрозы хаотичной дефрагментации власти в результате деструктивного вмешательства, независимо от того, произрастает данное воздействие изнутри страны или в большей мере обусловлено экзогенным генезисом.

Симметричный ответ на вызовы эпохи постправды

Позиция автора данной статьи заключается в том, что вышеуказанная инициатива, оглашенная в послании президента Казахстана 25 января 2017 года, нацелена на повышение адаптивности политического устройства страны перед лицом новых вызовов глобального мира. Стратегия на системную внутриполитическую диверсификацию, по замыслу руководства страны, призвана обеспечить сохранение и успешное функционирование государственности в долгосрочной исторической перспективе.

Как постулирует эти задачи сам инициатор послания? «Во-первых, создать запас устойчивости политической системы на многие годы вперед. Во-вторых, повышение роли Правительства и Парламента даст более *эффективный механизм ответа на современные вызовы*. Да, это более сложная система управления, но и *общество стало более сложным*. Я сознательно иду на делегирование значительной части полномочий, которыми обладает президент. И делаю это с одной единственной целью – построить более эффективную,*устойчивую*, *современную систему управления страной*. В-третьих, в мире нет универсальной модели государственного устройства. *Все находятся в поисках*… Программа реформ – это наш ответ на вопрос, в каком направлении пойдет Казахстан. Ответ ясный и последовательный – в сторону *демократического* развития» [1]. Процитировав данный фрагмент, автор настоящей статьи выделил курсивом те «сигнальные» формулировки, которые, на его взгляд, непосредственно соотносятся с раскрытием заявленной темы.

Особо отметим, что президентские интенции носят достаточно конкретный характер, задавая инструментальный вектор конституционной модернизации. Данный аспект разделяется ведущими представителями современной политической науки, которые настаивают на том, что при реформировании основ конституционного строя «нужны не декларации, объявляющие ту или иную территорию социальным или светским государством или землей всеобщего благоденствия, а прописанный механизм сдержек и противовесов, который потом помешает любой политической силе переписать конституцию в свою пользу» [20]. В публицистических кругах задолго до «январских тезисов» 2017 года давали схожую и более экспрессивную оценку политике действующего главы Казахстана, «который мыслит не как директор колхоза из Кулябской области, а как президент крупной страны. Он прекрасно понимает, что в современном мире поддерживать диктатуры становится очень опасно. В этом случае страну ждет либо застой, либо цветные революции... Единственный вариант… – создание там гражданского общества и демократического государства с евразийским взглядом на собственное общество и на окружающий мир [21].

Таким образом, поиск гибких форм суверенитета на внутригосударственном уровне с целью предупреждения цветных революций имеет шанс не только стать перспективным предметом новейших политологических изысканий, но и выступить источником, интеллектуально оплодотворяющим политико-практические и правоприменительные реформаторские действия для создания новых основ сочетания ускоряющейся социальной динамики с адекватными ей разновидностями политического мироустройства. Политическому прогрессу будет способствовать прагматизация исследований, объектно-предметное поле которых сконцентрировано вокруг понятий цветных революций и государственного суверенитета.

Литература:

1. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Обращение Президента Республики Казахстан по вопросу перераспределения полномочий между ветвями власти [электронный ресурс]. URL: http:// www.akorda.kz/ ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/obrashchenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-po-voprosam-pereraspredeleniya-polnomochii-mezhdu-vetvyami-vlasti (дата обращения 30.01.2017).
2. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Заявление главы государства от 08.06.2016 [электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/zayavlenie-glavy-gosudarstva (дата обращения 30.01.2017).
3. Бочаров А. В. Исламский фактор в «цветных революциях» // Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С. М. Абрамзона Комплексный подход в изучении природы, общества, человека, 16–17 мая 2015г.: Сборник докладов. Бишкек, 2015. С. 210–215.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 [электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения 02.02.2017).
5. Токарев А. А. Становление государства и эволюция политических режимов Грузии и Украины: дисс. … д-ра соц. наук. Екатеринбург, 2006. 167 с.
6. Токарев А. Реакция на цвет. Почему иностранный экстремизм, терроризм, перевороты и революции в России принято называть цветными // КоммерсантЪ-Власть [электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2791306 (дата обращения 30.01.2017).
7. Зима близко. Политолог Екатерина Шульман о том, как политический режим будет выживать в голодное

время // Ведомости [электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/26/606392-zima-blizko (дата обращения 28.01.2017).
8. Ершов Ю. Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. № 5(55). С. 48–53.
9. Титков А. С. Почему революции называются «цветными»? [электронный ресурс]. URL: https://thequestion.ru/questions/16887/pochemu-revolyucii-nazyvayutsya-cvetnymi (дата обращения 28.01.2017).
10. Кузнецова Е. С. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2(11). С. 48–56.
11. Ткаченко С. Л. Международная политэкономия – российская школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 106–118.
12. Мусихин Г. И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64–78.
13. Salonius-Pasternak C. Flexible Sovereignty as applied by Ukraine [электронный ресурс]. URL:http://www.fiia.fi/en/blog/448/flexible_sovereignty_as_applied_by_ukraine/ (дата обращения 30.01.2017).
14. Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3(195). С. 5–20.
15. Риски в публичном и частном праве. По материалам круглого стола, проводившегося в НИУ ВШЭ 29 апреля 2014 года // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 110–119.
16. Бочаров А. В. Идеи парламентаризма в «цветных революциях» // Парламентаризм в России: история и современность. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: сборник научных статей. Уфа: УГАТУ, 2015. С. 233–244.
17. Кудряшова И. В. Режимные трансформации на современном Арабском Востоке // Политическая наука. 2012. № 3. С. 149–167.
18. Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 217 с.
19. Бабицкий А. Вместо правды // Ведомости [электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/01/13/672832-vmesto-pravdi (дата обращения 28.01.2017).
20. Шульман Е. Предотвращение гражданской войны // Ведомости [электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/13/612511-predotvraschenie-voini (дата обращения 15.01.2017).
21. Метод Назарбаева [электронный ресурс]. URL:http://expert.ru/2016/03/21/kazahstan/ (дата обращения 20.01.2017).

References:

1. Official site of the President of the Republic of Kazakhstan. The address of the President of the Republic of Kazakhstan concerning redistribution of powers between branches of the power [e-resource]. URL: http:// www.akorda.kz/ ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/obrashchenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-po-voprosam-pererazpredeleniya-polnomochii-mezhdu-vetvyami-vlasti (date of reference 30.01.2017).
2. Official site of the President of the Republic of Kazakhstan. Statement of the head of state dated 6 August 2016 [e-resource]. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/zayavlenie-glavy-gosudarstva (date of reference 30.01.2017).
3. Bocharov A. V. An Islamic factor in «color revolutions». The International scientific conference devoted to the 110 anniversary since the birth of the outstanding scientist-ethnologist S. M. Abramzon an Integrated approach in studying of the nature, society, the person on 16–17 May 2015: Collection of reports. Bishkek. 2015. P. 210–215.
4. About the Strategy of national security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 31 December 2015 № 683 [e-resource]. URL: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (date of reference 02.02.2017).
5. Tokarev A. A. Formation of the state and evolution of political regimes of Georgia and Ukraine. Candidates Dissertation of Sciences (Political) M., 2012. 210 p.
6. Tokarev A. Reaction to color. Why it is accepted to call foreign extremism, terrorism, revolutions and revolutions in Russia color // the Kommersant-Power [e-resource]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2791306 (date of reference 30.01.2017).
7. Winter close. The political scientist Ekaterina Shulman how the political regime will survive in hungry time // Sheets [e-resource]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/26/606392-zima-blizko (date of reference 28.01.2017).
8. Yershov Yu. G. Myths in ideology and policy // Society and the power. 2015. № 5(55). P. 48–53.
9. Titkov A. S. Why revolutions are called «color»? [e-resource]. URL: https://thequestion.ru/questions/16887/pochemu-revolyucii-nazyvayutsya-cvetnymi (date of reference 28.01.2017).
10. Kuznetsova E. S. Western concepts of the state sovereignty // International processes. 2006. Vol. 4. № 2(11). P. 48–56.
11. Tkachenko S. L. The international political economy – the Russian school//Messenger of the St. Petersburg university. Political science. International relations. 2015. № 4. P. 106–118.

12. Musikhin G. I. Classification of theories of sovereignty as overcoming attempt «conceptual egoism» // Social sciences and present. 2010. № 1. P. 64–78.
13. Salonius-Pasternak C. Flexible Sovereignty as applied by Ukraine [e-resource]. URL:http://www.fiia.fi/en/blog/448/flexible_sovereignty_as_applied_by_ukraine/ (date of reference 30.01.2017).
14. Tikhomirov Yu. A. Legal sovereignty: spheres and guarantees // Magazine of Russian law. 2013. № 3(195). P. 5–20.
15. Risks in public and private law. On materials of the round table which was carried out to Higher School of Economics National Research University on 29 April 2014 // Questions of the public and municipal administration. 2014. № 2. P. 110–119.
16. Bocharov A. V. The ideas of parliamentarism in «color revolutions» // Parliamentarism in Russia: history and present. The All-Russian scientific and practical conference with the international participation: collection of scientific articles. Ufa: UGATU. 2015. P. 233–244.
17. Kudryashova I. V. Regime transformations in the modern Arab East // Political science: Science journal. 2012. № 3. P. 149–167.
18. Sokolovsky S. V. Rights of minorities: anthropological, sociological and international legal aspects. M.: Moscow public scientific fund, 1997. 217 p.
19. Babitsky A. Instead of the truth // Sheets [e-resource]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/01/13/672832-vmesto-pravdi (date of reference 28.01.2017).
20. Shulman E. Prevention of civil war // Sheets [e-resource]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/13/612511-predotvraschenie-voini (date of reference 15.01.2017).
21. Nazarbayev's method [e-resource]. URL:http://expert.ru/2016/03/21/kazahstan/ (date of reference 20.01.2017).